

ПУГАЧЕВ

В НЕМЕЦКИХ КОЛОНИЯХ

(Из истории немецких колоний на юго-востоке России)

Помимо общих, неблагоприятно для колонистов сложившихся обстоятельств, два явления, носивших характер общественного бедствия, поведя к разрушению и опустошению колоний, довели их до такого плачевного состояния, что возрождение казалось уже невозможным.

Эти два явления — пугачевщина и нашествие диких киргиз-кайсаков и калмыцких орд.

Раньше, чем говорить о пребывании Пугачева и его шаек в колониях, считаем необходимым уяснить себе исторический смысл пугачевщины вообще и сказать несколько слов о личности самого Пугачева.

Пугачевщина, безусловно, явилась последствием всего общественно-государственного строя царствования Екатерины II, который можно характеризовать как внешний показной блеск и полное внутреннее разложение.

Д.Л. Мордовцев говорит: «Положение России, в самом деле, было далеко не такое, каким его научили понимать нас наши поэты и историки. Они изобразили одну лишь светлую сторону славного века — Фелицы, блеск и роскошь двора, силу вельмож и ум генералов, но забыли темную сторону того времени. Девяносто девять сотых жителей России, средние и низшие ее сословия, ядро населения сорока двух провинций, солдаты, как служащие, так и отставные, крестьяне всех ведомств, раскольники всех толков, иноверцы и инородцы, и «дикие люди, покрытые шерстью и чешуей» едва ли не в одном только воображении Державина «проразумели блаженство дней своих» и

«По желто-смуглым лицам долу
Струили токи слез из глаз»...

Все добросовестные историки, расходясь лишь в формах изложения, рисуют ужасное положение крепостного крестьянства и податных сословий.

Пугачевщина явилась протестом против условий крепостной жизни; протестом, вылившимся в крайнюю форму. И другая сторона была не мягче даже в спокойное время. Достаточно

вспомнить хотя бы судьбу несчастного Саратова. Саратовский священник Маркелов доносит астраханскому епископу Мефодию:

«24 октября сего 1774 г. содержащимся в остроге разного звания людям по злодейскому пугачевскому делу была всем на Русском базаре экзекуция кнутом и плетьюми, и многим уши резали. И продолжалась из утра даже до самого вечера руки на шестеры. А на Соколовой горе многих вешали и колесовали. А для смотра здешние жители были наряжены через сотских и десятских; отчего все, как еще такого наказания не видывали, пришли в большую робость и страх, и сожаление».

Исходя из своей программы вольности и свободы, Пугачев щадил жизнь иностранцев, не состоявших на русской службе. Более того, он стремился завербовать их в свои войска, как дельных и технически образованных людей. Существует даже мнение, что Пугачев не желал затрагивать иностранцев, дабы не создавать международных осложнений и не возбуждать против себя иноземных правительств. Так или иначе, но немецкие колонии потерпели от самого Пугачева лишь материально; если же были случаи убийств, то совершались они шайками Пугачева без его ведома или просто расплодившимися в то время разбойниками.

В песнях и воспоминаниях колонистов Пугачев является лишь «суровым человеком», и нельзя сказать, чтобы отношение к нему было злобное и недоброжелательное. Много колонистов даже вступали в ряды его отрядов, за что впоследствии были сечены кнутом. Немецкие вдовы и девицы часто по ночам пробирались в стан пугачевцев и уходили с ними.

Путь Пугачева интересует нас в настоящем труде лишь постольку, поскольку он лежал через немецкие колонии, и мы перейдем к изложению этого пути.

По воспоминаниям Августа Штальбаум (Боаро, 1 мая 1830 г.), Пугачев осенью 1773 г. появился около Оренбурга и двинулся к Волге. Дворян и чиновников он убивал, приказывал грабить хлебные магазины и соляные склады. Взяв Саратов, Пугачев послал во все стороны людей вербовать добровольцев в свои отряды. Три всадника из его войска прибыли со 100 человеками на вербованных колонистов в Екатериненштадт (Баронск). Согнав пасшихся около колонии табуны лошадей, эти люди выбирали для себя лучших, отбирая у жителей ружья, седла, порох и пули. Забирали также

ружья и воинские припасы из магазинов; если же хозяева добровольно магазинов не отпирали, то пугачевцы ломали замки и предоставляли каждому желающему брать из них все, что будет угодно. Такая же участь постигла и соляной магазин, который в один день был разграблен немцами и русскими из Екатериненштадта и его окрестностей.

Далее путь этих летучих отрядов лежал на сл. Покровскую, Узморье, по колониям Козицкая, Березовка, Степная, Вольская, Яблоновка, Тарлык, Скатовка, Привальное, Кустарева, Краснорыновка и Ровная.

По указанному пути на вербовывались люди и забирались припасы и лошади, причем старосты и колонисты платились иногда жизнью за сокрытие местонахождения табунов.

Приведем воспоминания очевидцев из колоний Степная и Ровная, чтобы составить себе понятие о действиях этих летучих отрядов.

О приходе Пугачева в Степную (Шталь) повествует некто Паулус Обендорфер.

Когда по колониям на Тарлыке распространился слух о приближении Пугачева, то всех охватил панический страх. Прежде всего постарались скрыть скот и годных лошадей, отправив их на лесистый волжский остров. Обендорфер не последовал общему примеру и оставил двух прекрасных лошадей дома, надеясь, что они хорошо скрыты: дело в том, что в маленьких казенных домиках того времени жилой дом и конюшня были под одной крышей.

Вскоре после этих приготовлений нагрянули пугачевцы и принялись за грабеж. Два всадника заехали на двор Обендорфера и зашли в дом, надеясь чем-нибудь поживиться. Не найдя в доме ничего интересного и получив от хозяина отрицательный ответ на вопрос о лошадях, пугачевцы вышли на двор и вскочили на своих коней, сопровождаемые Обендорфером. В этот самый момент одна из скрытых в конюшне лошадей громко заржала. Обендорфер, предчувствуя опасность, одним прыжком перескочил через ближайший плетень, удачно избежав сабельного удара взбешенного обманом пугачевца, после чего скрылся на соседнем дворе. Лошадей, конечно, нашли и увели. Когда Обендорфер увидел, что пугачевцы покинули его двор, он рискнул выйти из убежища и направился во двор старосты Нильсена, где остановился

приехавший позже своего отряда начальник пугачевцев. Обендорфер пишет, что это был Пугачев, но находился в безусловном заблуждении, так как Пугачев в это время подходил к Камышину и вообще в луговых колониях не был. Услыхав, что односельцы жалуются начальнику на бесчинства его подчиненных, Обендорфер также указал на похищение своих лошадей и просил вернуть ему хотя одну для исполнения насущной работы. Начальник сначала хотел дать лошадь, оставленную недалеко от села бежавшим дворянином, но, увидав чудного скакуна, взял его себе, а Обендорферу дал другого коня, оказавшегося впоследствии принадлежавшим некоему Штейнгауэру из соседнего села. Покончив с этим, начальник потребовал у старосты Нильсена, англичанина родом, указать местонахождение табуна лошадей. Так как Нильсен отказался исполнить это требование, то пугачевцы повесили его на воротах и, убедившись в смерти, скрылись.

В Привальной за ослушание было повешено шесть человек и разграблен хлебный магазин, находившийся в распоряжении вызывателя Леруа.

В Ровной при вести о приближении пугачевцев улицы наполнились плачущими женщинами и детьми, спасавшимися куда попало. Через час после первых известий нагрянул отряд уральских казаков-пугачевцев, согнал всех людей в кучу и потребовал оружия и съестных припасов. Забрав затем насильственно с собой человек 15-ть молодых колонистов, отряд выступил и переправился через Волгу в Золотое, чтобы соединиться с главными силами Пугачева. Колонии же остались разграбленными и опустошенными; поля были потоптаны лошадьми, а жители находились в страхе и терпели нужду.

Главные силы, во главе с самим Пугачевым, шли к Саратову. В Петровске были убиты бывшие при межевании земель ведомства конторы опекунов иностранных: смотритель коллежский ассессор Борис Паткуль, подпоручик Федор Спижарный, прапорщик Петр Скуратов и корнет Петр Калмыков.

По дороге из Петровска в Саратов Пугачев 5 августа 1774 года зашел в колонию Ягодная Поляна и запасся провиантом; здесь он завербовал в свое войско трех поселенцев, которые впоследствии были пойманы и засечены кнутом.

В Саратове готовились к встрече Пугачева, но, благодаря спору о старшинстве между поручиком Державиным и бригадиром Ладыженским, сделать к обороне города ничего не удалось. Комендант Саратова Бошняк все же вышел с отрядом за город, желая устроить Пугачеву засаду, но сам был обойден и, едва пробившись, ушел с остатком своих людей в Царицын. Пугачев занял Саратов, и начались грабежи и казни. Из ведомства конторы опекунов иностранных погибли в Саратове: поручик Ермолаев с женой, поручик Иван Широков с женой, протоколист Иван Образцов, регистратор Иван Винш и аптекарь Иван Аменде. Пугачевцы разграбили и сожгли также казарму, принадлежавшую конторе опекунов со всеми делами и похитили разных вещей на сумму 112 руб. 24 коп. Канцелярские дела, планы и даже землемерные инструменты были разломаны, сожжены и похищены. Этим объясняется, между прочим, отсутствие каких-либо точных сведений о состоянии колоний в то время.

Оставшиеся в кладовой Конторы 25 789 руб. медной монетой также захвачены были мятежниками. Другая часть денег, около 15000 рублей, были уже погружены по приказу главного судьи конторы бригадира Ладыженского на судно и отправлены по Волге к Царицыну под охраной поручика Ушакова и канцеляристов, но пугачевцы судно настигли, деньги забрали, а охрану перебили. Кроме того, у комиссаров конторы было награблено: у поручика Монжу — 70 руб., секунд-майора Пиля — 60 руб. 25 коп., поручика Иванова — 52 руб. 76 коп. и курьера Ситникова — 32 руб. 10 коп. Характерно, что в разграблении магазинов и казармы конторы опекунов, а также судна с 15000 руб. принимали участие хохлы Покровской слободы и крестьяне Золотовской волости. Впоследствии член соляной конторы Савельев отобрал у пахотного солдата Лапшина и других 910 руб. 25 коп., а с виновных в разграблении судна крестьян с Синеньких — 1422 руб. 31 коп.

Разгромив Саратов, Пугачев направился далее на Дмитриевск (Камышин) и Царицын. Путь его лежал не по Астраханскому тракту, как принято думать. Пугачев избегал общего всем пути, где ему могли устроить засаду, и держался в отдалении от берега Волги, где его могли нагнать на судах: он шел немецкими колониями и проселками.

Маршрут был приблизительно следующий: Рыбушка, Норка, Сплавнуха, Топовка, Гололобовка, Карамышевка, Макаровка, Починная, Усть-Грязнуха, Каменка, Верхняя Кулалинка, Верхняя Добринка, Нижняя Добринка, Камышин. Последняя часть пути Пугачева несомненна, так как он старался идти селами, где запасался людьми, лошадьми и провиантом. Через нынешнюю Илавлинскую волость, по коей лежал Астраханский тракт, он не пошел уже потому, что она была совершенно безлюдна и заселена лишь в 50-х годах 19 столетия. В этом маршруте убеждают нас и рассказы очевидцев, встретивших Пугачева в Норке, Гололобовке и Починном.

До нашего времени дошел рассказ о злоключениях колониста Иоганна Вильгельма Штеркель (прадед Норкинского пастора Штеркель), жившего в колонии Норка.

Пугачев зашел в Норку в 1774 году и потребовал несколько человек с подводами для перевозки клади до ближайшего села. Штеркель попал по жребию в число этих возчиков и должен был везти кассу. Но вместо ближайшего села его заставили везти дальше до села, расположенного недалеко от Камышина, где было приказано закопать кассу в землю в потаенном месте. Штеркель с товарищем должен был сделать это под надзором пугачевских атаманов, причем было обещано вечером щедро наградить подвозчиков. Действительно, вечером им выдали изрядную сумму денег, но домой не отпустили. Началась веселая попойка, в разгаре которой к Штеркелю подошла какая-то русская женщина и шепнула: «Ты, саксон, постарайся убраться, а то вас хотят сегодня ночью повесить»... Охваченный страхом, Штеркель незаметно ускользнул от компании и спрятался во дворе, в погребе за бочкой. Пугачевцы скоро заметили его отсутствие, и несколько человек вызвалось найти беглеца и умертвить. Подходили они, между прочим, и к погребу, тыкали туда своими длинными пиками, но бочка спасла Штеркеля, и преследователи удалились, убежденные в его отсутствии. Беглец просидел в погребе всю ночь, до следующего полудня. Первое, что он увидел по выходе из погреба, наполнило его ужасом — на воротах качался труп его повешенного товарища. Та же участь грозила и ему, чтобы скрыть тайну зарытой кассы. Убедившись, что люди Пугачева оставили село, Штеркель бежал из этого места, едва не сделавшегося его могилой. За деревней он

вскочил на одну из пасшихся там лошадей и поскакал в свое село, но вместо него снова наткнулся на другой день на один из оставших отрядов Пугачева, где и был задержан. Как это произошло — осталось невыясненным. Уйти из лагеря беглецу уже не удалось, так как на оставший отряд вскоре напали правительственные войска Михельсона, шедшего по следам Пугачева. Пугачевцы пытались отбить нападение и Штеркеля заставили сражаться наряду с мятежниками. Но малодисциплинированная толпа не смогла долго противостоять регулярным войскам и ударилась в беспорядочное бегство, оставив многих убитых и раненых. В числе последних находился и Штеркель, которому донской казак нанес глубокую рану в плечо, лишив его возможности бежать. Штеркель бросился на землю, притворяясь мертвым.

Пока Михельсон со своими войсками преследовал бегущих, один из его офицеров с небольшим отрядом остался для погребения мертвых и попечения о раненых. При этом случалось, что казаки попросту приканчивали раненых пугачевцев. К Штеркелю также подошел казак и занес пику для последнего удара, но раненый внезапно вскочил и вырвал пику из рук ошеломленного казака. Офицер, заметивший эту сцену, подъехал узнать, в чем дело. Штеркель, указав на намерение казака, молил сжалиться над ним, так как он случайно и помимо желания попал в шайку Пугачева, обещая показать зарытую кассу последнего. Офицер согласился даровать ему жизнь и сделать все возможное для облегчения участи.

Была ли действительно касса найдена и передана Михельсону — об этом до нас сведений не дошло. Достоверно известно лишь, что Штеркель вместе с остальными пленными пугачевцами был доставлен в Царицын и заключен в тюрьму. Единственной льготой ему была выдача увеличенной, сравнительно с другими, порции хлеба; другие пленники буквально голодали. В Царицыне у пленных отобрали платье и дали арестантскую одежду, благодаря чему Штеркель лишился немалой суммы денег, зашитой в камзол.

В царицынской тюрьме пленных морили голодом и держали в ужасных условиях в течение нескольких месяцев, после чего на большом дощанике отправили в Саратов. Так как путь шел против течения, то дощаник поочередно тащили сами пленники. Когда в этом трудном и медленном путешествии достигли берега неподалеку от немецких колоний, в числе тащивших неуклюжее

судно оказался как раз Штеркель и два его товарища-колониста, все время помышлявшие о бегстве. Когда дощаник огибал угол берега, все трое под каким-то предлогом отстали и, едва судно скрылось из глаз, бросились бежать к недалекому лесу, которого благополучно и достигли. Не останавливаясь, беглецы продолжали путь и к полудню дошли до русского села, где завернули в лучшую крестьянскую избу. Измученные и голодные, они набросились на пищу, с жадностью опустошили котелок горячей каши и пустились дальше, опасаясь преследования. Но товарищам Штеркеля не суждено было достигнуть родного села: едва они прошли небольшое пространство, как оба упали мертвыми. Очевидно, жадное пожирание горячей каши оказалось гибельным для их, истощенных голодом и отвыкших от горячей пищи, желудков. Штеркель же, питавшийся, вследствие благосклонности офицера, лучше других, перенес прием пищи благополучно и вскоре достиг колонии Галка, где имел родственников, доставивших его в Лесной Карамыш. Отсюда тесть повез Штеркеля в Норку, куда беглец в один прекрасный день и прибыл к своим после пятимесячного отсутствия.

Через г-на Готлиба Бауера дошел до нас рассказ о пребывании Пугачева в Гололобовке, где старостой был граф Денгоф.

Узнав каким-то образом, что в Гололобовке староста — дворянин, Пугачев прислал сказать, что повесит его. Все стали укрывать имущество и принимать меры к спасению. Денгофу советовали бежать, но он отказался, приказав лишь приготовить в сложенных на дворе дровах узкий проход, чтобы скрыться в нем. В тайну этого убежища были посвящены немногие близкие люди, которые должны были предупредить Денгофа, если Пугачев, не найдя его, будет угрожать жизни семьи или колонистов. В этом случае Денгоф решил выдать себя.

11 августа 1774 года Пугачев прибыл в Гололобовку. Пока шайка грабила в селе, он направился в дом старосты, приказал обыскать его и привести Денгофа живого или мертвого. Жена старосты страдала послеродовой болезнью и лежала в постели; двухмесячная дочь была завернута в пеленки, как-будто только родилась. Пока искали Денгофа, Пугачев заставил больную женщину встать, толкнул ее так, что она упала на пол, взял с кровати девочку, развернул пеленки и швырнул ребенка на пол, в угол комнаты. Пока

мать плакала над ребенком, думая, что он мертв, Пугачев кинжалом проколол во многих местах перину, чтобы убедиться в отсутствии Денгофа. Однако поиски оказались безрезультатными, и Пугачев удалился из Гололобовки, приказав сжечь село и начать с дома старосты. К счастью, мятежники не привели его приказание в исполнение. Дело в том, что еще до прибытия Пугачева один из верных русских слуг Денгофа был подучен, чтобы в случае убийств и поджогов он предложил пугачевцам несколько хороших лошадей, бочку водки и 500 руб. денег, спрятанных недалеко от колоний. И вот, по знаку одного из друзей старосты, слуга этот приступил к опасным переговорам, предлагая деньги, водку и лошадей. Для того же, чтобы убедить уже уехавшего Пугачева в исполнении его приказания, работник посоветовал поджечь находящееся на току сено и солому. После краткого совещания мятежники выразили свое согласие, подожгли сено и солому и отправились с работником за село для получения обещанного. Забрав все, они пустились догонять главный отряд, а верный слуга, плача от радости, вернулся к своим господам.

Интересны также воспоминания о Пугачеве некоего Девальда из колонии Починной, которому во время пугачевщины было лет 14-15.

Жители Починной, узнав о приближении Пугачева, поспешили все наиболее ценное схоронить в колодцы, погреба, песчаные и глиняные ямы, и все засыпать и замазать; все население, за исключением стариков и детей, удалилось из колонии. Едва были приняты эти меры предосторожности, как вдали уже появились мятежники. Несколько стариков и мальчишек, в том числе и Девальд, наблюдали с чердака школьного здания через щели приближение пугачевцев. Раньше всего прибыл в село сам Пугачев в карете, запряженной шестеркой лошадей, и с многочисленным эскортом. Отряд расположился на маленькой площади против школьного здания. В самое короткое время для Пугачева была разбита палатка, а перед ней устроена виселица. После этого разыгралась жуткая, страшная сцена. Четыре невзвзданных клячи с человеком на каждой были подведены дико ревущей толпой к виселице. Ноги пленников были связаны под брюхом лошадей, руки — под шеей. По приказу Пугачева, через перекладину виселицы были перекинуты две веревки, на каждом конце коих

сделано по петле. Затем осужденным развязали руки, связали их за спиной, надели на шею петли, так что на концах каждой веревки оказалось по человеку, и выгнали из-под них лошадей, разрезав веревки на ногах. Казнь эта была совершена, очевидно, лишь для устрашения колонии, так как из колонистов никого не тронули, разграбив лишь имущество. В Починной пугачевцы переночевали и утром двинулись в дальнейший путь, поджегши несколько домов. Но, благодаря тихой погоде, пожар был тотчас потушен. Пугачев шел по указанному уже нами пути, направляясь к Камышину и забирая по пути людей, лошадей и провиант. В колонии Нижняя Добринка в то время скрывался присланный из Петербурга в Камышин для определения широты и долготы нескольких мест Саратовской губернии правительственный астроном Ловиц. Проходя Нижнюю Добринку, Пугачев узнал о пребывании в ней правительственного чиновника-астронома и приказал посадить его на кол, «чтобы лучше и удобнее мог наблюдать небо».

Между тем в Камышине деятельно готовились к встрече Пугачева. Комендант полковник Меллин располагал, однако, лишь незначительными силами; купцы и горожане решили не оставлять города и даже дали коменданту подписку «стоять и город защищать», но вскоре частью скрылись, а частью даже предались на сторону Пугачева. Первыми изменниками оказались заправилы города — бургомистр Данила Аникин, депутат Егор Горбунов и его отец, купец Степан Горбунов, которые еще за три дня до прибытия Пугачева бежали и увезли свое имущество, чем поселили в селении панику. Камышин был взят Пугачевым при первом же приступе, а Меллин со своими офицерами повешен около овражка, называемого и поныне «Висельным». По пути из Камышина в Дубовку Пугачев встретил и разграбил отряд майора Дица. Диц был убит в схватке.

Подполковник Михельсон, между тем, шел по пятам Пугачева и не давал ему вздохнуть. Ненадолго задержавшись у Царицына, Пугачев пошел к Черному Яру, спасаясь от правительственных войск. По дороге он разграбил коммунальную колонию Сарепту; жителям Сарепты, этой оригинальной колонии, состоящей из «братьев и сестер», удалось спастись. Опираясь на воспоминания очевидцев, можно восстановить следующую картину сарептского разгрома. Еще до прибытия Пугачева в Царицын, царицынский

комендант Цыплетев предупредил сарептян, чтобы они спасались в Астрахань. Поэтому решено было отправить 110 человек женщин и детей водным путем (Волгой, как наиболее безопасным), а в охрану им дать женатых братьев во главе с епископом Ничманом и старшиной Гессе. Небольшую партию отправили и по суше. Средства передвижения были очень скудны — 9 маленьких и 1 большая рыбацких лодки. Вечером партия отправилась и ниже Сарепты достала еще две лодки. Путешествие было очень тяжелым; вследствие холода и недостатка съестных припасов болели дети и взрослые. На одном из островов удалось, наконец, купить большую рыбу и мешок черных ржаных сухарей. Так плыли до Черного Яра, где запаслись провизией и рогожами для защиты от ночного холода. 27 августа и сухопутная, и водная партии благополучно прибыли в Астрахань, были радушно встречены и, после сытного обеда в городской ратуше, размещены по частным квартирам. Оставшиеся в Сарепте холостые «братья» под руководством Якова Лореца и Даниеля Фика занялись охраной и возможным сокрытием личного и коммунального имущества. Товары сложили в погреба, заперли их и засыпали сверху землей и мусором; подлинники привилегий сложили в печь и замазали ее глиной, а коммунальные счета и книги сложили в сундук, закопав его землю. Русские работники и даже гарнизонные солдаты, увидав эти приготовления, стали бросать работу и удаляться из Сарепты, отказываясь повиноваться. Калмыки обнаглели и дошли до того, что угнали было весь скот сарептян. Последние, однако, быстро организовали погоню, отбили скот и под охраной пяти братьев отправили его в Енотаевск. Немногие оставшиеся верными солдаты были 19 августа вытребованы царицынским комендантом и удалились в полном вооружении, закопав свои 12 пушек в землю. Братья, вооружив себя и своих работников немцев, дежурили на валу, где поставили 9 собственных пушек. Калмыков, производивших грабежи даже в самой Сарепте, и посторонних лиц удалили из колонии, ворота заперли и никого больше не впускали. Человек 100 калмыков все же попробовали вечером напасть на фольварк, но разбежались после пушечных выстрелов. Нападение повторилось 21 августа, но тут сарептянам пришлось на помощь 10 человек казаков с ближайшей станции. В этот же день прибыл по царицынской дороге брат Гисси, дочиста ограбленный калмыками. Узнав через него, что Пугачев

после тщетного обстрела Царицына идет по берегу Волге к Сарепте и Черному Яру, братья решили оставить колонию и отправиться в путь на заранее приготовленных подводах, запряженных быками. Путь этот, благодаря медленности движения и опасности от шныряющих повсюду калмыкам, был рискованный. Остались было в Сарепте Даниель Фик и еще два брата, но, увидав бивачные огни пугачевцев в четырех верстах от колонии, также удалились. В Сарепте остались лишь казаки и работники с верным сарептянам старым русским гусаром Фомой Розбиловским. В темную ночь братья медленно удалялись, посылая взлелеянной ими колонии грустные прощальные взгляды. На следующий день удалось сделать лишь 42 версты за недостатком корма для скота. Около 10 часов вечера нагнавший беглецов казак сообщил, что Пугачев покинул Сарепту и скорым маршем идет вслед за ними. Несмотря на утомление скота, братья снова двинулись в путь, но, несомненно, были бы настигнуты, если бы счастливый случай не спас их: заблудившись ночью, они попали с почтовой дороги на более близкую — степную. Между тем по почтовой уже неслись 50 человек пугачевцев, посланных в погоню за беглецами взбешенным Пугачевым. В Черном Яру сарептяне долго не задерживались и продолжали путь в Астрахань. Неподалеку от Енотаевска их нагнал курьер и сообщил, что Пугачев разбит наголову около Черного Яра. Обрадованные беглецы хотели спешить обратно, но многие были больны. Поэтому они остановились в Енотаевске, где комендант поместил их в казармах. Пробыв в Енотаевске 8 дней и скоро оправившись, братья отправили четырех человек в Сарепту, чтобы принять колонию, а за ними вскоре прибыли и старшины Фик и Лорец с остальными беглецами.

Цветущая ранее колония являла собой грустное зрелище. Комнаты были наполнены осколками и мусором; окна, двери, мебель и печи разломаны и разрублены; погреба разрушены, лавки разбиты; фабричные машины и инструменты разломаны и разбросаны; запасы свечного завода и гостиницы разграблены; в церкви были сорваны канделябры и драпировки, разбиты рояль и орган, похищена церковная утварь и одежда; не была пощажена и библиотека. Между раскиданным добром валялись уже разлагавшиеся трупы людей, лошадей и собак. Хаос царил полный, и у бедных колонистов в первый момент опустились руки.

Пригласив из Царицына нескольких правительственных чиновников для освидетельствования состояния колонии, братья принялись снова за свой труд. К счастью, уцелела мука, замазанная в одном из погребов, скот и водопровод, так что население не осталось без пропитания. Благодаря неустанному труду и прилежанию, внешний вид Сарепты был настолько восстановлен, что не осталось никаких следов разгрома. Но убыток колонии достиг 70 тыс. руб., по тем временам суммы громадной, и много лет понадобилось, чтобы восстановить внутреннее благосостояние.

Такова приблизительная картина движения Пугачева по немецким поволжским колониям. Последствия были очень тяжки, так как колонисты лишились имущества и громадного количества скота. Кроме того, а это самое главное, начало исчезать сознание своей безопасности, окончательно покинувшее колонистов уже во время последовавших непосредственно за пугачевщиной киргиз-кайсацких нападений. Пугачев грабил, но щадил жизнь немцев, киргизы же добрались и до нее.

Г. Дитц

Саратовский листок, 1914 г., № 137, 138.